Ну привет, заучка...

Мария Зайцева

(Не)совершенная любовь

Мария Зайцева

Ну привет, заучка…

«автор»

2022

Зайцева М.

Ну привет, заучка… / М. Зайцева — «автор», 2022 — ((Не)совершенная любовь)

– Зараза, ходит тут, задом своим целлюлитным трясет… – пробормотал он злобно, и только я собиралась сказать, чтоб отпустил, и нечего меня за этот самый целлюлютный зад лапать, да еще и так жестко, как он, выдохув, резко прижался к моим губам, сразу же проникая языком внутрь и по-хозяйски придерживая меня за затылок, чтоб не смогла вырваться. Это был мой первый поцелуй. Никто до него не прикасался к моим губам. Никак. Ни невинным сухим жестом, ни более развязно. И уж тем более, никто не делал со мной таких грубых вещей. Не целовал так жестоко, так грязно, так настойчиво.

© Зайцева М., 2022
© автор, 2022

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 16
Глава 7 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Мария Зайцева
Ну привет, заучка…

Глава 1

Катя

Первый раз он подошел ко мне на большой перемене третьего сентября. Почему я так хорошо запомнила эту дату? Все очень просто. Не каждый день к тебе подходит один из самых красивых парней, которых ты когда-либо встречала в своей жизни. Такие дни надо красным цветом в календаре отмечать, вот что я вам скажу.

Высокий, мускулистый, с затейливыми завитками татуировки, виднеющимися из выреза простой белой футболки на шее, и намекающими на то, что самое интересное там, за плотной белой тканью. С красивым лицом мальчика с обложки. И невозможными черными глазами.

Я как застыла возле парты, так и не отмерла, пока он пальцами у меня перед лицом не пощелкал. Я поморгала. Покраснела, как рак. Стыдно-то как! Подумает, я лохушка! Хотя… Он и так это думает!

Он улыбнулся белыми ровными зубами. И я опять подвисла. И не поняла, что он говорит. А он явно что-то говорил. Не просто же так подошел?

– Земля! Земля! Прием!

Ох, черт!

– Слышь, дурочка, ты отомрешь сегодня, или мне еще подождать?

– Дааа…

– О, ну отлично просто! Задание, говорю, сделала по истории?

– Да…

– Круто, давай сюда!

– За-зачем?

– Как зачем? Спишу!

И руку так требовательно протянул. Нисколько не сомневаясь, что я прямо сейчас кинусь ему отдавать свою работу. А пальцы-то тоже в вязи татуировок, затейливой такой. Интересно, сколько у него их?

Тут я сама опомнилась. Нет. Нет уж! Мало того, что в школе со мной дружили только из-за того, что списывать давала, так еще и здесь все с того же начинается! Не дам! Не будет больше этого! Стоит только один раз разрешить, и сразу на шею сядут!

Я отшагнула назад, угрюмо глядя на парня. Конечно, чего бы такому красавчику подходить ко мне? А не пошел бы он… Дальше!

– Не понял… – он реально не понял, посмотрел на меня с бесконечным удивлением. Ему, наверно, никогда девушки не отказывали. Ну вот, значит, такой сегодня день.

Все впервые. Ко мне впервые парень такой шикарный подошел. Ему впервые отказали.

– Не дам. Сам пиши.

Я отвернулась, переживая свою отчаянную храбрость. Смогла!

– Ну смотри, заучка убогая, не пожалей… – прилетело мне вслед, и плечи обдало холодом.

Нет уж. Не пожалею. И пути назад нет.

Второй раз меня судьба столкнула с ним у пустующего гардероба в фойе, примерно через две недели. Я копалась в сумке, не смотрела, куда иду, натолкнулась.

– Смотри, куда прешь! – злой голос, моя сумка упала на пол, хорошо, хоть не разлетелось ничего. Вот было бы весело.

А сейчас мне не весело совсем. Потому что надо мной, наклонившейся за сумкой стоит Алиев Аслан, тот самый красавчик, по которому сохнут все девчонки нашего курса. Да и старшие тоже, наверняка.

А мне вот некогда сохнуть, учебы полно. И работа тоже время отнимает… Зарплата так себе, но мне хватает на то, чтоб жить скромно, и даже бабушке кое-что отсылаю. Может, по итогам месяца смогу претендовать на повышенную стипендию, это будет здорово…

Он смотрел на меня сверху вниз, как на таракашку какую-то у своих ног. Я задрала голову, оставаясь на корточках, и замерла в таком положении, натолкнувшись на его взгляд. И с удивлением замечая, как он меняется. Как зажигаются в нем какие-то непонятные огоньки. И вот не понравилось мне это! А еще больше не понравилось, когда он внезапно протянул руку и подцепил меня пальцами за подбородок, вынуждая приподнять его выше.

Я так удивилась, что даже не вырывалась. А он смотрел. Тяжело как-то, давяще.

– Глаза у тебя красивые, – усмехнулся он, – но вообще слепые.

Я открыла рот, в замешательстве, не зная, что сказать. Это такой комплимент что ли? Или оскорбление?

И вообще, что происходит? Почему я до сих пор сижу у его ног?

Я резко дернула головой, отталкивая его руку, и встала.

Он молчал, глядя на меня все с тем же непонятным выражением на лице. Удивление? Легкое замешательство? И еще что-то. Неприятно волнующее.

Я, не отводя от него глаз, попятилась назад, а затем, развернувшись, быстро пошла прочь.

Сегодня еще две пары высшей математики. И это отличный способ выбросить из головы весь этот бред.

Глава 2

– Эй, заучка, ты доклад-то подготовила? А? Для Танечки?

Я не отвечала. Только вздыхала, отворачиваясь, не умея противостоять насмешкам.

Гадский Алиев!

И чего привязался ко мне? Ведь не дает покоя уже второй месяц! Невозможно на переменах в аудитории оставаться. Начинает хохмить, издеваться, глупости всякие говорит. А его кодла прихлебателей подхватывает с охотой. Я знаю эти вещи, видела много раз в школе. Шакалы сбиваются в стаю и весело травят выбранную жертву. Причем, выбор может упасть на кого угодно. Кто хоть немного не похож. Или слишком тих и слаб. Отпор дать не может. Как я, например.

Для меня напряжение было слишком сильным, я не привыкла к такому давлению. В школе ко мне относились спокойно. Приветливо, без насмешек. Правда и не приглашали никуда, на всякие вписки и тому подобное. Но я и не стремилась. Не до того было. Сначала болеющая мама, а потом и бабушка требовали всего моего времени.

Поэтому дом-школа. Школа-дом.

И сейчас, оказавшись в положении жертвы, я банально не справлялась. Переживала, плакала, ходила разбитая.

Одна надежда была, что все со временем утрясется. Про меня забудут. Переключатся на кого-то другого. Иногда малодушно жалела, что не дала Алиеву списать в начале сентября. Сейчас, может, было бы полегче…

Но ничего не вернешь теперь, глупо сожалеть.

Алиев опять задел меня какой-то глупой шуткой, ниже пояса, и, не дождавшись реакции, кинул скомканной бумажкой. Его стая тут же подобострастно рассмеялась.

Правда, когда зашла Татьяна Викторовна, все разом замолчали.

Вот уж кого я уважала!

Не только за знание предмета, за увлеченность им, которая чувствовалась в каждом слове, в подготовках к лекции, но и за то, что она смогла совершить невозможное, найти подход к нам, бешеным первокурсникам.

Правда, я с самого начала старалась, потому что литературу любила, да и вообще, привыкла успевать, да и уроки проходили интересно, но вот многие наши… Особенно, мальчишки. Первый месяц тяжело было. И смотреть на Татьяну Викторовну больно. Так она переживала, что ее не слушают, что ее предмет не ценят.

Но со временем все утряслось. Конечно, и сейчас все далеко до идеала, но все равно половина группы уже сидит, молчит, слушает. Может, дошло все же хоть что-то?

Тут рядом со мной грохнул стул, я вздрогнула. Повернулась, чтоб узнать, кто же подсел. И замерла. Алиев. Что ему надо от меня?

Я отодвинула стул как можно дальше, но занятия уже начались, и сбегать – значило привлечь к себе внимание, выставить себя дурой.

Алиев придвинулся ближе, положил руку на спинку моего стула таким невыносимо наглым собственническим движением, что я разозлилась. И решила дать отпор в кои-то веки.

– Убери руку! – сквозь зубы прошипела я.

– А то что? – Алиев, не убирая руки, демостративно наклонился ко мне, говоря тихо, прямо в ухо. Не говоря даже, а шепча с таким мягким гортанным похрипыванием, что у меня все внутри задрожало. От гнева, конечно же. И кровь в лицо бросилась. От раздражения, само собой.

– Ничего! Убери руку, мне противно!

– Противно? А так? – и он нагло сунул нос практически мне в ухо, вдохнул шумно, сглотнул, – пахнешь, как дешевка. Тошнит.

– Тошнит – отсядь! – мне стало ужасно неприятно. Гад какой, и говорит мерзости!

– Слышь? А ты везде так пахнешь? А? – не обращая внимания на мое возмущение, продолжал хрипеть он, при этом не отрываясь от моего уха, шевеля своими шумными вдохами и выдохами волосы виске, затем придвинулся еще ближе, а, учитывая, что рука его по-прежнему находилась за моей спиной, было полное ощущение, что Алиев обнимает меня.

Я сжалась от его давлеющего присутствия, от его мерзких слов, от горячего дыхания, что рождало мурашки по рукам и спине.

– Отвали от меня, – сквозь зубы прошипела я, – отвали!

– Нет, ты скажи: а киска твоя так же пахнет, а? Дашь попробовать?

И вторая рука неуловимо быстро скользнула под парту, легла на колено. Я успела только мысленно взвыть от негодования и ужаса, когда Татьяна Викторовна спасла меня, выкинув поганца прочь из кабинета.

А я еще долго приходила в себя, трясясь, словно в лихорадке. И вертелись в голове гадкие слова, произнесенные хриплым шепотом: "Дашь попробовать? Дашь попробовать? Дашь?…"

Глава 3

Уроки физкультуры я всегда любила. Еще в школе получила разряд по художественной гимнастике, и тренер говорила, что у меня есть задатки.

Но для дальнейшего развития необходимо было ездить на соревнования. А это деньги. Которых у нас не было.

Потом, когда заболела мама, мне вообще стало резко не до гимнастики. Ну а уж после ее смерти…

Короче говоря, университет я выбирала еще и исходя из своих увлечений. Конкурс, конечно, конкурсом, но у меня медаль. И отличные результаты ЕГЭ. И разряд спортивный. Взяли на бюджет. Сама не ожидала, вот честно.

Сейчас, обучаясь здесь, я понимала, что все равно денег не хватит. Хотя и стипендию повышенную мне утвердили. И в общежитии жила бесплатно. Но надо было питаться. Покупать учебники. И бабушке деньги отправлять. Я устроилась работать в кафе, по вечерам, официанткой, но быстро поняла, что это не мой вариант. Набегавшись допоздна с подносом, я не высыпалась, и приходила на занятия уставшая, страдала учеба, а, значит, и повышенной стипендии могли лишить.

Поэтому пришлось уволиться. И вскоре вопрос финансов встал особо остро. Денег хватало только на доширак и молоко по выходным. Про обновления одежды я уже давным давно забыла, с ужасом думала о том, что в любой момент настанут холода, а у меня, как у той стрекозы. Только я лето не пропела. И это было самым обидным, так хоть было бы, что вспомнить.

На форму для занятий по физкультуре приходилось выкраивать практически по рублю, и покупать ее на дешевых китайских развалах.

Я с завистью посматривала на стройных, подтянутых девочек, упакованных в фирменные, очень удобные и ноские вещи, и отчаянно стеснялась своей тонкой хэбэшной футболки. Но куда деваться?

Разминка, бег на дистанцию, несколько подходов к спортивным снарядам.

Я привычно радовалась физической нагрузке, не обращая внимания на насмешливые взгляды.

Парни красовались друг перед другом и девчонками, показывая, кто на что способен. Выглядело смешно.

Я не особо всматривалась, опасаясь опять насмешек от кодлы Алиева. Его, кстати, самого, почему-то не было. Странно.

Ближе к концу занятия выбежала попить к фонтанчику в коридор. И вот зря! Очень зря!

– Ну привет, заучка, – насмешливый голос резанул так неожиданно, что я закашлялась, нечаянно облилась и отпрянула в сторону, вытирая мокрое лицо и оттягивая ворот промокшей насквозь футболки.

Алиев стоял совсем близко, как всегда невозможно яркий в своей кожаной куртке, надетой на белую ослепительную футболку. Вертел в руках телефон. И смотрел на меня. Опять как-то странно.

Выражение его глаз тревожило. Я чувствовала себя не в своей тарелке, ощущая неясную угрозу, исходящую от него.

Что ему надо еще от меня? Зачем так смотрит?

Я отошла еще на шаг, огляделась по сторонам. Никого. До окончания занятия еще минут двадцать.

Чтоб пройти в зал, нужно обойти его. Прямо на пути встал, гад!

– Неуклюжая дура, – он скривил красивые губы, оглядывая меня медленно и напряженно. – Майка вся мокрая. Какого хера ходишь здесь в таком виде? Приключений на жопу ищешь?

– Чего тебе надо?

– От тебя? Нихера! Размечталась, овца!

– Ну и отлично!

Я сделала шаг к двери, но он внезапно очень быстрым, неуловимым практически движением, схватил меня за руку и дернул на себя.

Я испугалась настолько, что даже не помышляла закричать, позвать на помощь. Только рот раскрыла в шоке. И смотрела в его изменившееся лицо, серьезное и злое, с насупленными бровями и раздувающимися ноздрями породистого носа.

– Сучка, ходит тут, жопой своей целлюлитной трясет… – пробормотал он злобно, и только я собиралась сказать, чтоб отпустил, и нечего меня за эту самую целлюлитную жопу лапать, да еще и так жестко, как он, выдохув, резко прижался к моим губам, сразу же проникая языком внутрь и по-хозяйски придерживая меня за затылок, чтоб не смогла вырваться.

Это был мой первый поцелуй. Никто до него не прикасался к моим губам. Никак. Ни невинным сухим жестом, ни более развязно. И уж тем более, никто не делал со мной таких грубых вещей. Не целовал так жестоко, так грязно, так настойчиво.

Я испугалась еще больше, застыла в его руках, обмерла. Позволяя целовать себя все более и более откровенно, жестко, глубоко. Позволяя сжимать себя сильно, до боли, до синяков. В голове словно туман наплыл, ничего не соображала. Не поняла, как руки на его плечи положила, то ли придерживая, то ли отталкивая.

А он, оторвавшись от меня, уже когда я практически задохнулась, начал целовать шею, облизывать кожу, мокрую от пролитой воды и пота, жадно и шумно вдыхать мой запах и бормотать что-то странное:

– Сучка такая, пахучая, пиздец просто, нахера вышла, нахера вообще, крышу же сносит от тебя, тварь, заучка чертова, дешевка, бля…

Я, внезапно осознав, что он такое говорит, какие грубости, гадости, набралась сил и оттолкнула его. И сама удивилась тому, что смогла это сделать. Да и он удивился. С пару секунд смотрел на свои ладони, словно не веря, что меня в них нет, затем перевел взгляд на меня, бешеный, сумасшедший. И молча двинулся в мою сторону. И это было так страшно, что я, взвизгнув, рванула в зал и успела заскочить в раздевалку и закрыть дверь на защелку. Да еще и прижалась к ней спиной для верности.

Вздрогнула всем телом, когда с той стороны жестко бухнули кулаком, затем Алиев выругался грязно, постоял немного и ушел прочь. А я так и осталась стоять, прижавшись спиной к двери и пытаясь унять выпрыгивающее сердце. И понять, что это вообще такое было?

Глава 4

Примерно с неделю я ходила, постоянно оглядываясь и вздрагивая. Учеба превратилась в ад, класс – в минное поле. Не знаешь, когда рванет.

Алиев продолжал меня доставать, говорить постоянно гадости, сверлить насмешливым взглядом. И, может мне только казалось от страха, но на дне зрачков его клубилось нечто. Ужасное. Ужасно развратное. Пошлое. Словно он смотрел и мысленно прикидывал, что бы такого со мной сделать. И в воображении своем уже все это делал.

Я не была совсем уж тупая в плане отношений, хотя и сильно отставала от одногодок, конечно же. Не того мне было! Пока все одноклассницы прыгали по парням, я носилась по врачам и больницам. Жила ожиданием очередной химии для мамы и надеждой на ремиссию. Так что эти радости жизни мимо меня пролетели.

Но фильмы с эротическими сценами я видела, конечно же. И в интернете натыкалась. Да и биологию учила.

Но одно дело теория, или красивые сцены из фильмов, а другое… Вот это вот все. Этот взгляд, преследующий, злой, жестокий. Непонятный.

Эти воспоминания о его руках жестких, нисколько не ласковых. О его губах настойчивых, о том, как он мой рот насиловал практически своим языком. Нигде про такое не писали, ни в одном романе, ни в одном фильме, из тех, что мне доводилось смотреть! Не выглядело это так, как мне почувствовалось!

Нисколько не красиво. Нисколько не чувственно. Не нежно. Не романтично.

Страшно. Очень страшно. И особенно страшным было для меня осознание того, что в какой-то момент меня это насилие захватило. Этот поцелуй-принуждение снился мне по ночам, заставляя просыпаться с бешено бьющимся сердцем. Эти глаза сумасшедшие преследовали во сне, заставляли дрожать, мучительно хватать раскаленный воздух губами. И по утрам прикоснуться к своей пересушенной возбуждением коже было страшно.

Я урывала время и читала психологические статьи на тему насилия, в том числе и сексуального. Искала причины своего такого неоднозначного отношения. Переживала. Погружалась в себя.

И очень сильно старалась не оказываться близко к Алиеву.

Слава Богу, Татьяна Викторовна так и не допускала его до своих занятий, и за одно только это я готова была благодарить ее бесконечно. Хоть какая-то передышка.

Так прошла еще неделя. Я начала немного успокаиваться и постоянно повторяла в голове мантру, что Алиев – это мебель. И глупо злиться на стул, если он упал тебе на ногу. Надо просто избегать испорченных, неустойчивых стульев.

И получалось! Правда получалось!

Вот только Алиев не был стулом. И умел передвигаться по своей воле.

Я это в полной мере осознала, когда он зажал меня прямо среди пары в малопросматриваемой нише возле буфета.

В эту самую нишу он меня перед этим затолкал, легко закрыв рот своей лапой, чтоб не вздумала крикнуть.

– Тихо, бля, – от его страшного шепота я я почувствовала, как коленки дрогнули, но все же не собиралась подчиняться и готовилась кричать, как только отпустит. Сейчас пусто в коридоре, занятия по анатомии у однокурсников, а освободилась раньше, на свою голову, у меня уже проставлен автомат по анатомии, потому что я ходила на все пары и еще доклад сделала, и еще преподавателю помогала и…

С какой стати я про это вспоминала, пока он тащил меня силой в темный уголок, непонятно. Видно, мозг защищался так. Готовился к бою, отключая все внешние раздражители, вроде его одуряющего запаха и дикого подчиняющего предупреждающего взгляда.

Чтоб, не дай Бог, не отвлеклась и не дрогнула. Чтоб были силы бороться. Потому что пока присходящее до ужаса напоминало мне один из моих бешеных снов, дурманов, в которых я вязла и тонула до сих пор, и не думала даже сопротивляться.

Но сейчас была явь. Ужасная реальность. Радовало одно, что Алиев не должен быть настолько ненормальным, чтоб взять меня силой в этом темном уголке. Не настолько же? Правда?

Глава 5

– Слышь ты, заучка, я только спрошу кое-что, не вздумай орать, поняла? А то опять заткну.

Он рычал страшно, так, что ноги дрожали и отказывались держать, я молча билась в его руках, пытаясь оттолкнуть, помня о прошлом успехе, когда мне это удалось. Но теперь, видно, удача была не на моей стороне, потому что хватка Алиева становилась от каждого моего рывка не просто железной, а еще и давящей, воздуха не хватало, он душил меня своей жесткой ладонью, прижимал всем телом к стене и шумно вдыхал опять запах моих волос, склонившись с высоты своего роста. И говорил, говорил, говорил…

– Сучка, чего ж ты трясешься-то, я же ничего еще не сделал. Но сделаю, слышь, сделаю, тварь ты мелкая, и какого хуя я вообще? Похуй, слышишь, похуй! Не вздумай бегать больше, поняла? Сейчас со мной поедешь, и только попробуй выебываться, сучка, сама виновата, нехер ходить здесь, и смотреть так, и вообще…

Тут он замолчал, а я, оглушенная его ужасными словами, хоть и воспринимала их с пятого на десятое, не прекращала сопротивляться.

Алиев выдохнул. Выругался тихо. Легко тряхнул меня, пытаясь утихомирить. А я, уже чувствуя, что силы на исходе, умудрилась ударить его и оцарапать, видно, довольно болезненно, потому что захватчик мой внезапно зашипел, что-то сказал непонятное, и, резко отняв руку от моих губ, тут же прижался к ним поцелуем.

Полностью выбивая этим у меня пол из-под ног. Я слабо пискнула, забилась из последних сил, запрещая себе сходить с ума и подчиняться, но Алиев обхватил меня уже двумя руками, сжал так сильно, что я просто перестала дышать, и буквально силой заставлял меня отвечать на свой грабительский, животный поцелуй. Размыкал мои губы, врывался языком в рот, измучивая своей настойчивостью, жадностью. Я понимала уже, что ничего не смогу сделать, но все еще трепыхалась, била его по плечам, пыталась упираться в руки, отталкивать. В голове пульсировали бессмысленные, странные желания, животные и глупые. А когда он еле слышно застонал, перехватывая меня поудобнее, вжимая в себя, и совершенно, категорически не обращая внимания на мои бесполезные трепыхания, этот его гортанный стон отозвался во всем напряженном теле, словно по натянутой струне провели пальцем.

Я поняла, что теряю себя полностью, что схожу с ума, и забилась уже совершенно отчаянно. Это только распалило захватчика еще сильнее, руки стали настойчивей и жестче, губы напористей, и дыхания не было, и от жара и ужаса я дурела, и…

– Алиев, я смотрю, вы не только мои занятия не посещаете, да?

Звонкий злой голос прозвучал неожиданно, и заставил Алиева дрогнуть и отпустить меня. Я не удержалась, облокотилась на стену, не уверенная, что смогу хотя бы шаг сделать.

Все остальное я воспринимала, словно сквозь кокон из ваты. Татьяна Викторовна что-то резко сказала Алиеву, потом повелительно мотнула головой, и я, не сдержав облегченного всхлипа, убежала к ней, спрятавшись за ее хрупкую, но в тот момент казавшуюся самой надежной в мире, спину.

А потом был буфет. И кофе. И я наконец-то пришла в себя. И с опозданием опять затряслась от мысли о неслучившемся.

Ведь, если бы не Татьяна Викторовна, то Алиев точно утащил бы меня из университета в машину, и затем… Я даже думать не хотела о том, что было бы затем. Слишком страшно. Слишком сумасшедше. Слишком… Просто слишком.

Все остальное я тоже воспринимала с подтормозкой. Предложение Татьяны Викторовны сначала работы на кафедре, с хорошей оплатой. А затем и ночевки. У нее. Я как раз думала, что Алиев может ждать… И что я просто не смогу убежать. И тут такой выход! Просто не

поверила даже сначала, отказывалась. Но Татьяна Викторовна, вероятно, подумав о том же, о чем и я, настояла. Мы вместе пошли до общежития, чтоб забрать мои вещи для ночевки. Наш путь я запомнила слабо, опять погружаясь в переживания.

Вздрогнула и проснулась, только когда увидела Алиева, нагло развалившегося на общажной лавочке в окружении прихлебателей. Опять обдало ужасом. Меня ведь ждал, гад! Точно, ждал! Правильно я подозревала! И Татьяна Викторовна тоже посмотрела неодобрительно. Но при ней Алиев ничего не посмел даже сказать, не то что сделать. Я быстро прошмыгнула в подъезд, добралась до комнаты, начала собирать вещи, все это время лихорадочно размышляя.

Зачем я ему? Зачем? Ну полно ведь девчонок! Неужели, настолько ненавидит, что хочет наказать таким образом? Но за что? Что я ему сделала? Почему так разговаривает со мной? Такие слова говорит ужасные, грубые, циничные, словно еще сильнее хочет унизить, обидеть? А куда уж сильнее? Куда уж обиднее? Я таких слов и не слышала никогда в свой адрес! Потому что не заслуживаю я таких слов! Я ничего, ничего для этого не сделала!

Весь остаток вечера я испытывала только невозможную, глубочайшую благодарность к Татьяне Викторовне, моему ангелу-хранителю. Если бы не она…

И ведь наверняка неудобно ей. Весь университет в курсе про ее отношения с историком, Юрием Станиславовичем, они такая красивая пара. Наверняка, встречаются, может, он и ночует у нее… А тут я… Неудобно так. Но отказаться я не смогла, слишком свежи были воспоминания о волчьем взгляде Алиева, которым он провожал меня, сидя на лавочке.

Не успокоится. Пока не получит свое.

А, значит, то, что предложила Татьяна Викторовна, благо. Господи, я ей до конца жизни буду в церкви свечку ставить за здравие!

Когда вечером в ее квартире неожиданно раздался звонок в дверь, я отчего-то сильно перепугалась. Решила, что это Алиев опять… Только по одной этой глупой мысли можно было понять, насколько я в тот момент была не в себе.

Но пришли студенты из выпускной группы, те самые, что так странно сверлили нас взглядами днем, в буфете. Как раз, когда мы с Татьяной Викторовной сидели за кофе. Я их прекрасно запомнила, несмотря на то, что все еще тряслась от пережитого. Еще бы не запомнить таких зверей! Здоровенные, особенно короткостриженный парень кавказской внешности, да и второй тоже, с ехидным взглядом. Наглые такие. Сели неподалеку и смотрели так страшно. На Татьяну Викторовну. Глаз не сводили. Мне не по себе даже стало. А она, вот ведь сила воли, только глянула на них строго и зло, и засобиралась на кафедру, фронт работы мне показывать.

И, пока мы не вышли, он так и смотрели. И даже мне, хоть и не была объектом их внимания, было неловко. А каково ей? И она у них еще и занятия же ведет!

И не боится…

Памятник надо ставить таким педагогам.

И вот теперь они чуть не ввалились в квартиру, забубнили что-то на пороге. Требовательно так. Я даже испугалась, не вызвать ли полицию. Страшно же. Татьяна Викторовна стояла рядом с ними, и сразу бросалось в глаза, насколько они здоровенные. Угрожающе просто. Оба минимум на голову выше нее, крепкие, плечистые. Она совсем хрупкой смотрелась по сравнению с этими парнями.

Они бубнили что-то непонятное, наверно, про занятия или расписание, я так и не поняла.

Тем более, что Татьяна Викторовна быстро оборвала их и отправила в подъезд, и сама вышла, сказав, что скоро вернется.

А я осталась, лишь удивилась, зачем в подъезд выходить, когда можно и в доме поговорить… Но, само собой, вслух высказываться не стала, потому что не мое это дело, и так наглость невозможная, работу себе выбила на кафедре, да еще и ночую здесь…

Я попила кофе, съела бутерброд. Татьяна Викторовна задерживалась. Я начала беспокоиться. Она вышла в подъезд совсем без вещей, только в халате и тапочках. А вдруг, она уже пообщалась со студентами, и что-то случилось? Упала, ударилась?

Я торопливо накинула куртку и вышла в подъезд, аккуратно открыв дверь, чтоб, в случае, если услышу разговор, просто зайти обратно и не беспокоить.

Но в подъезде было пусто. Я огляделась, а затем услышала какой-то шорох. Из темного, непросматриваемого угла подъезда, за лифтом. И тихий неразборчивый шепот. Странный, срывающийся. И мягкое, нежное постанывание. Кровь бросилась в лицо, я, уже понимая, что не надо было мне выходить, что это не мое совершенно дело, все же громко спросила, все ли в порядке. И по голосу Татьяны Викторовны поняла, что у нее все в порядке. В полном.

Я забежала в квартиру с горящими от стыда щеками. Вот зачем вышла? Глупая! Глупая! Не мое совершенно дело, что она там делала с этими двумя, на самом деле, очень даже опасно и серьезно выглядящими парнями.

В буфете она их явно не боялась, смотрела зло и напряженно. А они…

Теперь я совсем по-другому воспринимала их взгляды на нее. Совершенно по-другому. Не пугали они, не хотели устрашить. А, пожалуй, наоборот все…

От понимания того, что случайно узнала чью-то, настолько интимную тайну, стало не по себе. Стыдно и неудобно.

Что мне делать теперь? Уйти? Наверно, да… Вряд ли, Татяна Викторовна захочет меня видеть… После того, что я слышала… Она же должна понимать, что я догадалась… О ее тайне. И как теперь быть?

Я взволнованно ходила из угла в угол, заламывая руки и переживая все так, словно это меня застали изменяющей своему жениху со своими же студентами.

Я не осуждала, даже в мыслях не пыталась привнести в сознание негативный оттенок. Только не к ней. Не к человеку, который сегодня защитил меня. Спас.

Да и не привыкла я никого осуждать. Всегда считала, что личная жизнь – личное дело каждого, и бесконечно удивлялась, что другим есть дело до кого-то, кроме себя.

Я просто очень переживала, что Татьяне Викторовне будет неудобно теперь со мной общаться. Или, что она, не дай Бог, подумает, что я могу как-то это все распространить…

Возвращение очень потрепанной и порядком измятой Татьяны Викторовны не дало мне окончательно скатиться в пучину самокопания.

Она молча ушла в ванну, потом вышла, и мы просто тихо пили чай. Я смотрела на нее, стараясь деликатно не опускать взгляд на очень даже заметные за воротом халата и крайне однозначные следы. А она никак не комментировала произошедшее.

Мы легли спать, и я сразу же уснула, измученная длинным и таким странным днем.

А утром Татьяна Викторовна предложила мне временно пожить у нее. И я поняла, что уже за одну только эту бесценную поддержку буду благодарна ей всю жизнь.

Глава 6

На следующий день мы с Татьяной Викторовной доехали вместе до университета и там разошлись. У меня была куча дел по учебе, и по моей новой работе, потому что другие преподаватели, узнав, что я буду подрабатывать на кафедре, с огромным удовольствием перекинули на меня бумажную работу. А я и радовалась. Больше работы, больше оплаты. Такими темпами я смогу бабушке побольше отправлять. День пролетел быстро, и даже жестокий взгляд Алиева, не отпускающий меня ни на секунду во время занятий, не так сильно беспокоил.

Пусть смотрит. А я вот сразу после занятий, и между парами – на кафедру! И всегда среди людей! Не сможет поймать!

Я очень надеялась, что он со временем остынет. Потому что, как еще сберечься, не знала. Ну не в деканат же идти? И не в полицию? Что я там скажу? Что пристает? Посмеются и отправят прочь.

Татьяна Викторовна после занятий пошла со мной в общежитие и помогла собрать вещи для более длительного проживания. Девчонки по комнате косились удивленно, но особо не выспрашивали. Здесь не привыкли лезть в чужие дела. И помогать тоже. Столичные нравы. Каждый сам за себя. Тем удивительней было участие моей учительницы.

Завезя меня в квартиру и выдав ключи, Татьяна Викторовна ушла. Куда, не сказала, наряжаться – тоже не наряжалась… Но что-то такое чувствовалось в ее поведении. Нервозность и ожидание.

Я не стала даже гадать, полностью выбрасывая из головы эти странности, так же, как и вчерашнюю ситуацию. Не мое это дело.

Вечер прошел хорошо. Я наслаждалась одиночеством и спокойствием. Как же все-таки хорошо пожить в отдельной квартире! Когда никто перед глазами не мелькает, никаких вопросов, посторонних шумов…

Смс прилетела неожиданно.

Номер незнакомый, открыла.

"Заучка, думаешь, убежала?"

Чееерт… Руки затряслись, отбросила телефон подальше от себя, пошла на кухню за чаем, чтоб успокоить нервы.

Узнал мой номер. Ничего удивительного, это несложно сделать. Тем более, с его деньгами.

Телефон пиликал, указывая на то, что смс приходят и приходят. Не буду читать! Пошел он!

И симку выну! Или отключу! А если бабушка позвонит? Или Татьяна Викторовна?

Я выпила чай, покосилась на телефон, уже минуты три молчащий. Все, что ли? Сдулся Алиев?

Подошла, взяла, решив, не читая, удалять смс, и тут он завибрировал, возвещая о входящем. С того же номера.

Я стояла, смотрела на экран. А затем нажала на ответить.

– Не читаешь смс, да, заучка? – голос Алиева был хриплым, словно он много выкурил сигарет, или кричал долго. На заднем фоне шумы, крики и музыка. В клубе, наверно, напился и звонит теперь, достает.

– Чего молчишь? Я же слышу, как ты дышишь в трубку, – судя по звуку, он затянулся и выдохнул дым, – слышь, заучка, хочешь приехать? А? Тут весело? Потанцуешь. Ты должна хорошо танцевать, я видел на физре, как ты двигаешься… Ты здесь точно всех куриц мокрых порвешь… Я вот думаю, заучка, а какого хера ты так одеваешься? Как бабка? Давай, я тебе шмотья нормального прикуплю… Вы же, телки, любите по моллам шариться… Серьезно,

хочешь? Вообще без проблем, все, что захочешь, будет… Приезжай, а? Мне чего-то пиздец прям тяжко…

Я молчала, слушала его пьяный бред, и думала о том, почему не нажимаю на отключение. Почему вообще держу трубку у уха. И почему голос его, хриплый и больной, меня тревожит. Внутри что-то дергает. Странно так… И страшно… А потом голос его стал еще ниже, еще царапучей:

– Зауууучкаааа… А давай я приеду? Хочешь? А? Все по-другому будет… Так, как ты захочешь… Тебе понравится, заучкаааа… Я сначала сниму с тебя эти дешевые тряпки… Зубами, бля, стяну… А потом… Потом за волосы тебя возьму, косу твою толстую на кулак намотаю, и потяну, чтоб горло открыть… Пиздец, ты пахнешь, я вчера чуть в джинсы не кончил…

И тут я не выдержала, отключилась. И, не медля ни секунды, стала с остервенением удалять все смс, что он мне наприсылал. Не читая. И отклоняя входящие. А потом вообще внесла его в черный список. И, подумав, выключила все же телефон. Бабушка так поздно не позвонит, а от Татьяны Викторовны я и не ждала звонков, подозревая, что не до меня ей.

Включила телевизор, чтоб отвлечься, и уснула под бесконечную сагу о вампирах и оборотнях. И сны мне снились дурацкие, дикая помесь того, что увидела в кино, и голоса Алиева, хриплого и больного, рассказывающего в подробностях, что он со мною собирается делать.

Во сне мне это нравилось.

Глава 7

На следующее утро, проснувшись, я застала Татьяну Викторовну на кухне за чашкой кофе. И была она такая… Уставшая, затисканная, зацелованная вся, что я даже взгляд отводила деликатно и ни о чем не спрашивала, потому что не мое это дело, вот честно, не мое… Она тоже не особо стремилась разговаривать, и тем большей неожиданностью было появление ее жениха, который, как я знала, до этого дня был на семинаре в другом городе.

Я смотрела, с какой искренней радостью и готовностью Татьяна Викторовна собирается к нему, и испытывала ужасный дискомфорт.

Вот бывает так, что тебя вроде совершенно не касается, а ощущения почему-то ужасные.

Она его обманывала, я точно знала, но сейчас радостно бежит на встречу к нему. И ни сожаления, ни чувства стыда… Это было сродни… Нет, не могу даже представить… Как если бы ты кого-то боготворил, восхищался, а потом узнал, что этот человек сделал что-то очень плохое, то, что не должен делать хороший человек… Но по отношению к тебе он никогда не поступал бесчестно, наоборот, помогал, выручал…

Короче говоря, я ужасно запуталась и даже забыла о своих горестях на время.

Татьяна Викторовна, сначал наобнимавшись радостно с женихом, затем всю дорогу весело с ним болтала, подшучивала, и обстановка была настолько ненапряжная, что я просто поражалась ее выдержке и игре.

И сама грузилась и переживала. За нее. За историка, очень приятного и красивого мужчину. За их отношения поруганные.

И за себя, дурочку, болеющую за тех, кто, очевидно, в этом не нуждался. А я болела. Потому что никак в моей голове не складывался паззл. Не рождалось понимание, как одновременно человек может быть настолько добрый, смелый, открытый, способный моментально прийти на выручку постороннему. И в то же время так вот, без видимых угрызений совести изменяющий своему, казалось бы, любимому. Никак не получалось воедино сложить эти две половинки. Так и ехала, наблюдая с заднего сиденья за беседой людей, которых никогда не заподозришь в нечестном отношении друг к другу.

А потом мы приехали в университет, и я застыла от ужаса, потому что от крыльца в нашу сторону двинулись две высокие крепкие фигуры… Те самые парни, с которыми ушла в подъезд Татьяна Викторовна. И лица у них были… Пугающие. И движения, и сами позы настолько давящими, что я поняла, что прямо сейчас тут будет… Ужас, что будет! Парни подошли, историк обнял свою невесту, вопросительно и спокойно глядя на двоих пугающих парней, лица их синхронно напряглись… Татьяна Викторовна, судя по всему, ошарашенная происходящим, никак не могла даже сказать что-то, чтоб остановить это, еще не начавшееся, но уже назревающее безумие…

И, по-хорошему, теперь бы надо мне уходить. Но я не могла бросить Татьяну Викторовну, хотя она, своим неосторожным поведением это все, может, и заслужила. Только не сейчас. Только не в такой ситуации.

– Татьяна Викторовна, а первая пара ваша у нас будет? – я спросила первое, что пришло в голову, только бы лишь разрядить обстановку, сместить градус.

И, судя по тому, как парни одновременно посмотрели на меня, а потом опять на свою учительницу, уже с легким осознанием ситуации, мне это удалось.

Такого благодарного взгляда, каким наградила меня Татьяна Викторовна, я еще ни у кого не видела. Она что-то ответила, отправляя меня на кафедру, а сама осталась разбираться со своими мужчинами. И я видела, что она пришла в себя, благодаря секундной передышке, что я ей подарила, и теперь вполне готова. Ну, а уж в том, что она разберется, я не сомневалась.

Поэтому спокойно пошла в здание, не оглядываясь больше.

И, унимая запоздалую дрожь волнения от чуть было не случившейся ситуации, проморгала появление Алиева возле меня. И не успела среагировать, когда он как-то очень легко, изящно и незаметно, толкнул меня к окну с широким подоконником в рекреации.

И затем, подхватив за талию, посадил на него, расположив таким образом, чтоб оказаться между моих раздвинутых ног. Лицом к лицу.

Я в панике огляделась. Вокруг ходили студенты. Толпами. Ни одного знакомого лица. Да и вряд ли бы мне помогли, даже окажись здесь ребята из группы. К Алиеву не лезли без нужды. А за меня, кроме Татьяны Викторовны, никто и не заступался никогда. Но она сейчас на стоянке, разбирается со своими мужчинами. А я – здесь, в углу рекреации, за кадкой с большущей пальмой. И Алиевым между ног.

– Ну привет, заучка… – голос его, хрипловатый и низкий, и взгляд, абсолютно больной, блестящий какой-то, вызывали дрожь.

– Отпусти! – я дернулась прочь, но он оперся руками по обе стороны от моего тела, не давая соскочить с подоконника.

– Да чего ты убегаешь? Поговорим, а?

– Не о чем! Пусти!

Он внезапно наклонился ко мне, опять вдохнул запах волос… Господи, токсикоман какой-то! Дались ему мои волосы! Я опять рванула, но он перехватил легко, пятерней зарылся в пряди на затылке, прихватывая косу у основания и отгибая мою голову в сторону. Как и хотел, вчера, в пьяном бреду! Я дернулась, понимая, что кричать бесполезно, что меня за гомоном и не услышит никто, а он наклонился и вжался губами прямо в мою шею, как вампир из сериала, что я смотрела накануне.

На меня нахлынуло острое чувство дежавю, словно все это уже было! Да ведь и в самом деле было! Во сне! И сейчас – наяву! Он целует меня, облизывает шею, прерывисто дышит, прижимает другой рукой к себе за талию, заставляя ноги раскрыться еще шире, и ему такая теснота очень даже нравится.

Алиев прикусывает мою кожу, болезненно и жадно, шепчет неразборчиво и жарко:

– Не бегай от меня, не бегай, дурочка, заучка глупая, я же хочу тебя, пиздец как, чувствуешь?

И сильнее, рывком, на себя, и ладонь под попу, чтоб практически снять с подоконника, посадить на себя, и да! Я чувствую, очень даже чувствую, как он меня хочет. И от этого внутри становится еще страшнее, еще жутче, потому что то, что происходит, это просто за гранью, это не со мной, нет…

Но, оказывается, я еще не знала, что такое "за гранью". Потому что я там оказалась, когда он перестал шептать, а сжал меня, окончательно сажая на себя и добрался до губ. И не ощутил сопротивления. Потому что не было его, сопротивления. Я в таком шоке была, в таком ужасе, что даже не могла ничего сделать. И тело само действовало. И как, когда, каким образом я умудрилась обхватить его ногами? И обнять, зарываясь в густые черные волосы пальцами? И ответить на бешеный поцелуй? Впустить в свой рот, позволить там хозяйничать? Не могу сказать, не знаю я этого. И тогда не понимала, и потом тоже.

Зато Алиев все понял правильно, потому что вцепился в меня, кажется, сразу всюду. И талия, и грудь моя не остались без внимания, и губы, и скулы, которые он обцеловывал лихорадочно, матерясь сквозь зубы восхищенно, рассказывая, что он со мной сделает, и как, и сколько раз… И мое темное подсознательное было с ним полностью согласно в тот момент. И я не знаю, каким образом можно вообще все объяснить, происходящее со мной. И я не понимаю, как это вообще все случилось. И мне страшно представить, что случилось бы дальше… Потому что Алиев сошел с ума, это было очевидно. И меня свел. Наверно, это такой особый, заразный вид безумия.

– Молодые люди, – густой бас тренера по футболу прозвучал отрезвляющим громом, – звонок уже был. И вы в учебном заведении находитесь. Алиев, ты совсем совесть потерял, я смотрю. Ну-ка на занятия!

Я задергалась, осознавая произошедшее и сгорая от стыда. А Алиев нехотя отпустил меня, переплел наши пальцы, прижимая к себе, удерживая, позубоскалил с тренером, и пошел на второй этаж, к аудитории, где у нас должна быть пара Татьяны Викторовны.

Все это время он со мной не говорил, только тормозил пару раз на лестнице, чтоб опять наброситься на мои беззащитные уже перед его напором губы. И отрываясь каждый раз с трудом и большой неохотой.

А я… Я в каком-то ступоре находилась от всего происходящего, не могла его остановить, дрожала, как паутинка на ветру от его прикосновений, ощущая, как вся кожа моя моментально высохла, натянулась, желая ощутить влагу. Его бешеных поцелуев.

Он оставил меня возле аудитории, поцеловав напоследок настолько сладко, что я еле на ногах удержалась. Посмотрел в глаза, придержав за подбородок:

– После занятия не вздумай никуда уходить, поняла? Со мной пойдешь.

И ушел, не дав мне даже возразить.

Как во сне я зашла в аудиторию, заметив только, что пара еще не началась, и Татьяны Викторовны не было. Уселась в самом углу, машинально пытаясь прикрыть горящую от его несдержанных поцелуев кожу.

И трогая измученные губы.

И только теперь осознавая, что я наделала. Что я совершила. И понимая, что никуда мне не деться теперь. Что я сама, сама дала ему повод, возможность… И не поможет мне никто больше, даже моя учительница. Потому что я все сделала сама. Отдалась во власть его рук, его губ, его жажды. Сама. Сама. Сама.

Я еле успела спрятать полные слез глаза, когда вошла Татьяна Викторовна.

Увидела меня. Нахмурилась, бросив папку с документами на стол.

– Так. Все готовимся к самостоятельной по Анне Ахматовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.